

Агрессивные подростки чаще отвергаются, чем их сверстники, и следовательно, получают меньше социальной поддержки. Агрессивные дети не очень хорошо распознают и понимают особенности социального взаимодействия, поэтому они могут даже не осознавать, что их отвергают.

Таким образом, выстраивая свое копинг-поведение, подросток опирается на характерные для него нарушения поведения. В трудных ситуациях подростки прибегают к характерным для них способам реагирования, то есть агрессивные проявляют еще большую агрессивность, а подозрительные и обидчивые, закрываясь в себе, рисуют негативный образ реальности. Обуславливая дезадаптацию в определенных жизненных ситуациях, поведенческие нарушения служат в то же время важным инструментом для снятия чувства напряжения и беспокойства, к которому подростки прибегают более или менее осознанно. Социальная поддержка как важный ресурс совладания может помочь разорвать эту порочную связь между нарастающей агрессивностью, выплескивающейся в дезадаптивные копинг-стратегии и оформляющейся в нарушения поведения. В целях профилактики, социальный работники и практикующие психологи могут помочь подростку сосредоточиться на получении социальной поддержки как от хорошо адаптированных ровесников, так и от внимательных родителей, что уменьшит вероятность использования неконструктивных способов совладания со стрессом.

Список использованных источников

1. Фурманов И.А. Психологические основы диагностики и коррекции нарушений поведения у детей подросткового и юношеского возраста. – Мн., 1997. – 198 с.
2. Frydenberg E., Lewis R. Adolescent Coping: the different ways in which boys and girls cope // Journal of Adolescence. – 1991. – V.14. – pp. 119-133.
3. Frydenberg E. Thriving, surviving, or going under: coping with everyday lives. NY, 2004. – 326 p.
4. Spielberger C.D., Sarason I.G. Stress and emotion: anxiety, anger, and curiosity. NY., 2005. – 376 p.

УДК 128/129

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Н.А. Степаненко

УО «БГАТУ», г. Минск, Республика Беларусь

Современный этап развития человеческой цивилизации характеризуется расширяющимся использованием научных и технических достижений в самых различных областях социокультурного бытия. Технологический прогресс привел различные страны мира к новому качеству жизни, которое характеризуется противоречивостью с точки зрения нравственных и психологических последствий, требующих морально-философского рассмотрения.

Известно, что наряду с положительными последствиями НТП существуют и отрицательные результаты, обуславливающие деградационные изменения в социуме и регрессивные явления в природе. В публикациях современных авторов, которые занимаются моделированием будущего человечества, много внимания уделяется вопросу о том, что в ходе развертывания научно-технического прогресса увеличивается количество факторов, являющихся причиной биологической и социальной дезадаптации человека [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8]. Процесс улучшения социально-экономических условий жизни современного человека приводит к определенной степени дезорганизации природных основ жизнедеятельности людей, ведет к эмоциональному кризису, основными проявлениями которого являются стресс, психологическая дисгармония и отчужденность [9, с.108-115]. В данном контексте определенное место занимает вопрос самоотчуждения человека и возрастание его бездуховности, то есть такого поведения, которое расценивается как симптом несогласованности между нравственно-духовными устремлениями и социально организованными средствами удовлетворения потребностей людей. В свою очередь «рост психо-эмоциональных и социальных стрессов и депрессий привел к увеличению соответствующих патологий» [10, с.119], – именно с дистрессом (отрицательным стрессом) исследователи связывают изменения в показателях здоровья современных людей [10, с.117-130], [11]. Отрицательное влияние на состояние здоровья людей, оказывают демографические, социальные и экономические факторы, связанные с загрязнением среды обитания человека, увеличением шумов, нервно-психических нагрузок в

процессе труда и общения между людьми, что приводит к целому ряду заболеваний, так называемым «болезням цивилизации»: сердечно-сосудистым, психическим, онкологическим и другим.

Амбивалентное, то есть не только позитивное, но и разрушительное, воздействие на жизнь человека со стороны НТП вызывает распространение в массовом сознании различных фобий. По существующим оценкам, «люди не успевают адаптировать свою культуру в соответствии с теми изменениями, которые сами же вносят в этот мир» [12, с.14].

Современные тенденции ухудшения психологического здоровья людей связаны с процессом безудержного мирового промышленно-технического развития, который, как утверждают многие исследователи [13], [14], [15], [16], [2], [17], [18], [19], [20], [21], [22], нарушает не только экологический баланс окружающей среды, но изменяет и выработанные социальной эволюцией системы ценностно-духовных ориентаций и адаптаций человека. Последствия негативных воздействий цивилизации на человека еще в начале XX столетия отмечал З. Фрейд [23], [20], [24], [25], утверждая, что НТП не только не оказал благоприятного влияния на развертывание внутренних конструктивных возможностей личности, но и, наоборот, привел к психической расщепленности и духовной надломленности человека.

В западных философских, психоаналитических и социологических концепциях XX столетия (Эллюля, Маркузе, Мэмфорда, Адорно, Фрейда, Фромма и других), которые выражали «боязнь интеллигентных кругов индустриально развитых стран перед угрозой дегуманизации общества, его духовного оскудения под воздействием все более могущественной техники и резкого усиления роли последней в социально-экономическом развитии» [26, с.717], сформировалось понятие «технофобии», характеризующееся как страх перед техникой. «...Человек остается одиноким перед надвигающимся мраком неизвестности. Создав мощнейшую технику, человек изменил ритм и течение своей жизни. И тут оказалось, что главнейшая беда в том, ...что психологические ресурсы человека не безграничны» [27, с.38-41].

Феномен технофобии тесно связан с проявлением особого психологического состояния, которое выражается боязнью социальных перспектив. В книге О. Тоффлера «Шок будущего» [28] автор отмечает, что человечество захватывает неведомое ранее психологическое состояние, которое по своему воздействию может быть приравнено к заболеванию. Название этой болезни – «футурошок», который характеризуется внезапной, ошеломляющей утратой чувства реальности, неумением ориентироваться в жизни, вызванным страхом перед быстро изменяющимся в техническом отношении мире, что обуславливает сомнение человека в собственной способности «жить быстрее», быть востребованным грядущим. Данную ситуацию можно выразить так: «главным препятствием между человеком и будущим, к которому он стремится, является сам человек» [29, с.33].

Обострение чувства страха перед будущим, сопровождающееся угнетением жизненного потенциала личности, происходит и в случае неожиданного изменения привычных условий жизни вследствие какой-либо катастрофы. Подобные обстоятельства приводят к возникновению особого рода отчуждения, называемого посткатастрофной маргинальностью. Маргинальным называется такой статус человека, который отражает пограничное положение личности по отношению к какой-либо социальной общности, накладывающее определенный отпечаток на ее психику и образ жизни. Явление посткатастрофной маргинальности более сложное, поскольку оно обусловлено, во-первых, резким негативным изменением качества среды жизни, во-вторых, сменой культурных условий проживания, что влечет за собой определенные последствия для человека.

Например, взрывы, пожар и извержения радиоактивных продуктов во время аварии на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС (в Украине) в 1986 году стали катастрофой глобального масштаба, при которой в разной степени были загрязнены 80% территории Беларуси. Данные факторы привели к ухудшению экологической ситуации у нас в стране (загрязнению воды, воздуха и почвы) и оказывают негативное воздействие на человека, условия его жизни и состояние здоровья. При экологическом неблагополучии снижаются иммунные и психозащитные функции человека [30, с.605]. Психологически важным фактором, связанным с последствиями аварии на Чернобыльской АЭС, является феномен постчернобыльской маргинальности. Данное социокультурное явление обусловлено вынужденной переменой места жительства населения, ранее проживающего на территориях, подверженных радиоактивному загрязнению. «В результате такого перемещения человек теряет связь со своей культурной укорененностью, но культуру своего нового положения он еще не освоил: ведь адаптация к новому образу жизни требует немалого времени, иногда смены нескольких поколений» [31, с.92].

Ясно, что непосредственная реализация социальности осуществляется в общении и деятельности, которые упорядочены определенными функциями и ролями, определяемыми общественным статусом индивида. Выполняя свои социальные роли, индивид взаимодействует с другими индивидами, вступает с ними в определенные отношения, регулируемые правами и обязанностями, обусловленными общей социальной структурой. Испытывая затруднения с включением в иную культурную традицию (или отторгаясь новым окружением, не желающим его принимать), человек попадает в «промежуточную» ситуацию, теряя чувство душевного равновесия: повышается тревога, раздражительность, агрессивность, конфликтность [32, с.6]. Поскольку цементирующей основой деятельности личности, объединяющей в единое целое все ее свойства, является направленность на определенные цели, интенциональность, постольку блокирование реализации этой линии надежд на будущее индивида обстоятельствами его жизнедеятельности может трансформироваться в тенденцию негативизма в отношении ко всему, что вызывает фрустрацию. Постепенно чувства недоверия и стремления к отрицанию иных культурных ценностей и ориентиров общения воплощаются в феномене маргинальности, который порождает «синдром “никому-не-нужности”, с одной стороны, и, вместе с тем, желание самоутверждения и приобщения, с другой» [31, с.92]. Безусловно, феномен постчернобыльской маргинальности как один из видов отчуждения современного человека, обусловленного экологическими факторами, требует углубленного этического и психологического исследования с целью нивелирования социокультурных конфликтов.

Другим феноменом отчуждения (под которым понимается нарушение опосредованности ценностным содержанием совместной деятельности индивида и общества [33, с.260]), является рост бездуховности и дегуманизации современного человека, его ориентированности больше на материальный, чем на личностный рост. По мнению западных философов в условиях научно-технического прогресса формируется так называемый технократический, «рационалистический» образ мышления, который характеризуется подавляющим воздействием на сферу духовного, то есть на нравственные, эстетические, познавательные и ценностные представления человека. Обусловлено это тем, что процесс научно-технического развития связан с нарастанием быстроты и сложности социальных действий, при которых происходит опосредование личностных отношений вещно-механическими [34, с.55], что трансформирует личность в носителя рациональности, под которой понимается последовательное стремление к сознательно поставленной цели. Соответственно такому «разумному эгоизму», для которого общение на уровне дружеского сотрудничества и сопереживания теряет самостоятельную ценность, поведение человека регулируется не экзистенциальными ценностями, а внешней целью.

Противоречие рационального и эмоционального стремлений человека – источник внутреннего конфликта и многих как позитивных, так и негативных стереотипов поведения, особенностей взаимоотношений человека с обществом. Соотношение разных нравственных стандартов, разных шкал ценностей, раскрывается в современной коллизии между практической рациональностью и иным типом направленности сознания, которое по классификации немецкого социолога М. Вебера называется ценностно-рациональным, продиктованным ориентацией на воплощение нравственных, религиозных, идеологических ценностей, получающих соответствующее идейное обоснование. М. Вебер выдвинул идею о том, что возникновение «рационализации социальных действий» связано с распространением рыночных отношений. Стремление «бездушных профессионалов» (по выражению Вебера [35, с.207]) к достижению реального, осязаемого результата своей деятельности оптимальным, наиболее целесообразным и выгодным путем в силу самого характера подобной деятельности ориентировано на расчет. По мере того, как личность становится целеустремленным дельцом, «бездушным профессионалом», культура как регулятор социальных отношений заменяется технологией общественных связей с доминированием деятельностного динамизма в ущерб сфере духовного измерения мира, превращая целенаправленное действие из аспекта поведения личности в ее основу.

Итак, динамика современного общества, с одной стороны, формирует такие черты человеческого поведения как инициативность, деятельность, самостоятельность, активность и ответственность в решении возникающих проблем, с другой стороны, современному человеку присуще «осознание собственного одиночества и отделенности, собственной беспомощности перед силами природы и общества, что является источником напряженной тревоги» [36, с.8]. По мнению некоторых западных мыслителей, современный человек «отчужден от себя, от своих ближних, от природы, он превращен в товар, а свои жизненные силы он воспринимает как инвестицию, которая должна приносить ему максимальную прибыль, возможную при существующих рыночных условиях» [36, с.51].

«Человеческие отношения в сущности являются отношениями отчужденных автоматов, каждый из которых основывает свою безопасность на том, чтобы держаться поближе к стаду и не отличаться от других в мысли, чувстве или действии» [34, с.551]. Поэтому, как полагают психологи, самое страшное испытание для жителя современного мегаполиса – это быть “не как все”.

Современному человеку, погруженному в мир повседневности, в заботы о пропитании, о выгоде и прибыли, некогда задумываться над этической и, тем более, духовной сущностью вещей и отношений, он пользуется некоторой свободой практических действий, совершая их без оглядки на высшие духовные смыслы, руководствуясь утилитарными соображениями о пользе, применимости, пригодности [37, с.11], [35].

В таком, казалось бы безвыходном положении вещей, получается, что «сегодня этические системы создаются либо для специалистов, либо для «аутсайдеров» (С.Н.А. – в пер. с англ. «аутсайдер» – «посторонний», «тот, кто на обочине») деловой жизни ради их утешения, либо для преуспевающих людей ради их спокойствия» [38, с.9]. Тем не менее, анализ общественных взаимодействий показывает, что любой человек имеет личный интерес быть моральным. Потому что ориентация на общезначимые нравственные ценности обогащает творческие эмоции личности, задает действительный масштаб, в котором можно оценивать подлинные результаты самореализации, иметь значимость и признание в том или ином обществе, которое поддерживает свои культурные традиции.

Список использованных источников

1. Леви-Стросс К. Печальные тропики / Пер. с фр. Г.А. Метвеевой; Науч. конс. и авт. предисл. Л.А. Файнберг. – М.: Мысль, 1984. – 220с.
2. Лем С. О тщетности прогнозов сбывающихся и несбывающихся // Человек. – 2000. – №1. – С. 67-72.
3. Бердяев Н. Человек и машина // Вопросы философии. – 1989. – №2. – С.143-162.
4. Козлова М. Эволюционная судьба Homo sapiens // Человек. – 2000. – №1. – С. 46-56.
5. Лесков Л.В. Будущее человека: стагнация, гибель или эволюция? / Стратегия выживания: космизм и экология. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 359с.
6. Лем С. СПИД и эволюционная гипотеза // Свет. Природа и человек. – 1989. – №5. – С. 33-35.
7. Кобозев Н.И. Исследование в области термодинамики процессов мышления и информации. Избранные труды. – М.: Мысль, 1978. – Т.2. – 325 с.
8. Назаретян А.П. Беспределен ли человек? (Еще о гуманизме и его паллиативах) // Общественные науки и современность. – 1992. – №5. – С. 176-183.
9. Полис А.Ф. Эмоциональное и норма поведения личности // Вопросы философии. – 1984. – №5. – С.108-115.
10. Cockerham W.C. The Social Determinants of the Decline of Life Expectation // Journal of Health and Social Behavior. – 1997. – Vol. 38. – № 2. – P. 117-130.
11. Доклад Министра здравоохранения РФ Ю.Л. Шевченко «Об итогах хода реформ и задачах по развитию здравоохранения и медицинской науки в России на 2000-2004 годы и на период до 2010 года» на коллегии Минздрава России 15. 03. 2000г. (<http://www.mednet.com/zdravrus/doklad.htm>).
12. Печчи А. человеческие качества. – М.: Прогресс, 1980. – 302с.
13. Крижанская Ю.С., Третьяков В.П. Грамматика общения / Ред. В.С. Сдобникова. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. – 208 с.
14. Загадка жизни и тайна человека: поиски и заблуждения. Беседа с академиком И.Т.Фроловым. // Вопросы философии. – 1999. – №8. – С. 36-60.
15. Система "общество-природа": проблемы и перспективы. Тр. конф. / Отв. ред. И.Б. Новик, С.А. Пегов. – М.: ВНИИСИ, 1983. – 138 с.
16. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 478 с.
17. Лоренц К. Обратная сторона зеркала / Сост. А.В. Гладкий, А.И. Федоров; Пер. с нем. А.И.Федорова, Г.Ф. Швейника; Ред. А.В. Гладкого; Послесл. А.И. Федорова. – М.: Республика, 1998. – 492, [1] с.
18. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. – М.: Издат. полит. лит., 1989. – 558 с.
19. Швейцер А. Культура и этика / Пер. с нем. Н.А. Захарченко и Г.В. Колшанского. Общ. ред. и предисл. проф. В.А. Карпушина. – М.: Прогресс, 1992. – 572, [1] с.
20. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение. 1990. – С. 448.

21. Бонько В.К., Кулик С.П. Мышление человека и проблемы компьютеризации / Ред. Н.И. Жуков. – Мн.: Наука и техника, 1992. – 192 с.
22. Историческое досье. Что говорили великие люди о других и о себе: Энциклопедия. – Д.: Сталкер, 1997. – Т.1. – 448 с.
23. Фрейд З. Тотем и табу. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и предисл. А.И. Белкина. – М.: Внешторгиздат, 1989. – 448 с.
24. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. Мн.: Бел. Сов. Энцикл-я. 1990. – С. 166.
25. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному: Сб. / Пер. с нем. Я.М. Когана, м.в. Вульфа. – Мн.: ООО Попурри. 1999. – 496 с.
26. Фромм Э. Человек для себя. – Мн-к.: Коллегиум, 1992. – 252 с.
27. Гуревич П. Антропологическая катастрофа // Свободная мысль. – 1997. – №11. – С. 34-44.
28. Тоффлер А. Футурошок / Пер. с англ. Ред. О. Михнюк. – СПб.: Лань, 1997. – 465 с.
29. Акофф Р. Искусство решения проблем. – М.: Мир, 1982. – 220с.
30. Степановских А.С. Экология. – М.: Юнити, 2001. – 703 с.
31. Мишаткина Т.В., Яскевич Я.С. Феномен общения в философии и культуре XX века. – Мн.: Метод. Изд. центр РИВШ БГУ, 2000. – 132 с.
32. Пергаменщик Л.А. Список Робинзона: Психологический практикум. – Мн.: Ильин В.П., 1996. – 128с.
33. Психология. Словарь / Ред. Петровского А.В. – М.: Политиздат. 1990. – 260 с.
34. Фромм Э. Иметь или быть? – Мн.: Полифакт. 1990. – 572 с.
35. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Избранное: Образ общества / Пер. с нем. М.И. Левина и др.; Отв. ред. и сост. Я.Н. Бергер и др.; Примеч. Л.Т. Мильской, В.В.Сапова. – М.: Юрист, 1995. – 705 с.
36. Фромм Э. Искусство любви / Пер. с англ. Л.А. Чернышевой. – Мн.: Полифакт. 1990. – 80 с.
37. Ганжин В. Инфаркт совести // Свет. Природа и человек. – 1994. – №8. – С. 7-11.
38. Дубко Е.Л. Выступление. Российская конференция "Этика и мораль в современном мире" // Вестник Московского Университета. – Серия философия. – 2001. – №1. – С. 9-11.

УДК 13

ПРОБЛЕМА ПРЕСТУПНОСТИ В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Е.А. Рудко

УО «ВГТУ», г. Витебск, Республика Беларусь

Одной из основных проблем социально-философского познания является диалектика человеческого общества и общественного человека как единства объективного и субъективного. В этой связи актуализируются вопросы, связанные с бытием человека, типологией и становлением личности на различных этапах общественного развития, включая социальные кризисы, переходные периоды и социальную трансформацию. Как правило, о значительных деформациях объективных условий жизнедеятельности и массового сознания людей свидетельствует широкомасштабное распространение преступного поведения.

Сегодня в научной литературе существуют различные объяснительные конструкции применительно к сути преступления. Так, например, в юридическом смысле преступление – это деяние, относительно которого в уголовном законодательстве содержится прямой запрет на его учинение. Для социолога преступление выступает, как социально обусловленное следствие неспособности человека найти цивилизованные формы разрешения жизненно важных для него общественных и личных противоречий. Рассмотренное в антропологическом ключе, преступление является превратной формой самореализации. Философию интересуют трансцендентные, онтологические первоначала мирового бытия, которые обуславливают существование криминальных драм. Человек, наделенный жизненной энергией, стремясь к неизвестному, способен нарушать существующие запреты, совершая при этом и творческие открытия, и преступления.

В данной статье предпринимается попытка историко-философского экскурса в постановку проблем преступности, преступного поведения, формирования личности преступника и наказания через анализ Западной философской традиции.